
Виктор Алеветдинов
Виктория Ончукова
СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ ДУХИ
ДАТА ОТКРЫТА
КНИГА 16
УЮТНЫЙ МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Следствие ведут духи

Виктор Алеветдинов

Книга 16. Следствие ведут духи. Дата открыта

«Автор»
2026

Алеветдинов В.

Книга 16. Следствие ведут духи. Дата открыта / В. Алеветдинов — «Автор», 2026 — (Следствие ведут духи)

В день подачи заявления Вера и Антон получают в ЗАГСе чужую папку с запиской: «Не прописывай его». Папку возвращают владельцам, но она снова оказывается у Веры, а её хозяйка Елена исчезает накануне регистрации. Шесть лет назад другая невеста Дмитрия Коршунова тоже не пришла в ЗАГС, а через несколько дней погибла в расселённом доме. Теперь след ведёт от свадебного салона и нотариальной конторы к запертым комнатам, чужим ключам и документам, которые предлагают подписать «ради семьи». Пока Антон восстанавливает маршрут по минутам, Вера оказывается за дверью без внутренней ручки. Чтобы найти Елену и раскрыть правду о старой смерти, им придётся понять главное: где заканчивается забота и начинается право решать за другого. Уютный мистический детектив о доверии, свободе выбора и двух несостоявшихся свадьбах, разделённых шестью годами.

© Алеветдинов В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужая папка 5
Глава 2. Дата для двоих 11
Глава 3. Пропавшая невеста 16
Глава 4. Старая авария 21
Глава 5. Платье с чужой булавкой 26
Глава 6. Лимит Олеси 32
Глава 7. Жених под подозрением 38
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Книга 16. Следствие ведут духи. Дата открыта

Глава 1. Чужая папка

Я толкнула тяжёлую дверь районного ЗАГСа плечом: в одной руке была сумка, другую Антон не отпускал. Дверь потянуло обратно, и мы застряли на пороге: я пыталась войти, Антон — придержать створку, а женщина с букетом белых роз — протиснуться между нами.

— Молодые люди, вы определитесь, — сказала она. — Или внутрь, или семейную жизнь начинайте прямо здесь.

Антон пропустил женщину, вошёл следом и посмотрел на меня.

— Первый совместный экзамен провален.

— Зато без жертв.

— Букет пострадал.

Женщина впереди поправила смятый целлофан и обернулась. Пришлось сделать вид, что мы обсуждали не её розы, а собственную готовность к браку.

В холле было светло, тесно и торжественно только наполовину. У автомата электронной очереди спорили две семьи. Тётя жениха требовала войти в кабинет первой, сотрудница терпеливо повторяла, что пригласят только заявителей.

Антон остановился так резко, что я едва не наступила ему на пятку.

— Прежде чем начнём, договоримся ещё раз.

— Мы уже договорились дома.

— Дома ты искала паспорт, а я проверял время. Это не считается разговором.

Он говорил спокойно, но большой палец всё ещё прижимал край моего кольца. После предложения прошло меньше месяца. К кольцу я успела привыкнуть, а к тому, что любой серьёзный разговор начинался с его блеска на руке, — ещё нет.

— Хорошо, — сказала я. — Не угадываем, что чувствует другой. Спрашиваем прямо.

— И отвечаем прямо.

— Даже если ответ неудобный.

— Особенно тогда.

— Ты волнуешься?

— Да. А ты?

— Очень.

Антон кивнул, будто получил нужную цифру для расчёта.

— Уже легче.

— Тебе?

— Нам обоим. Ты перестала изображать человека, который пришёл поменять банковскую карту.

Я хотела возразить, но заметила, что прижимаю сумку к себе обеими руками. Так стоят у банковского окна, ожидая, что заявление вернут на доработку.

У автомата Антон получил талон на подачу заявления и оглядел табло и двери кабинетов.

— Ты уже строишь маршрут отступления? — спросила я.

— Проверяю, куда нас вызовут. Здесь окно четыре, там пять, а к шестому надо идти через коридор. Пропустим номер — придётся снова брать талон.

— Мы ещё не подали заявление, а ты уже защищаешь наш брак от электронной очереди.

— От электронной очереди лучше защищаться заранее.

Почти у каждой пары была одинаковая кремовая папка с серебристой надписью «ЗАГС». Такие же лежали на стойке администратора: в них посетители носили бланки между окнами.

— А я вижу другую опасность, — сказала я. — Папки одинаковые.

— Не бери чужую.

— Спасибо. Без тебя я бы не догадалась.

— Ты однажды принесла домой папку с протоколом собрания соседнего дома.

— Она сама лежала под моими документами.

— Именно так и начинаются наши дела.

Я пообещала сегодня не вмешиваться в чужие свадьбы. Антон попросил повторить без улыбки. Не получилось, но он принял обещание как временно действующее.

У стойки нам выдали папку и короткий бланк с данными для проверки. Сотрудница показала на свободный столик у окна.

— Паспорта пока не вкладывайте. Сначала проверьте написание. Потом вас вызовут.

На столике уже сидела девушка в белом жакете и звонила матери.

— Мама, нет, свидетели не нужны. Нет, это не значит, что свадьба ненастоящая. Нет, папе пока не говори, он опять позовёт баяниста.

Она заметила нас, закрыла микрофон ладонью и виновато улыбнулась. Мы устроились на краю стола. Антон положил талон перед собой, я открыла папку.

Поверх чистого бланка лежали чужие бумаги. Верхний лист был сложен вдвое. На уголке стояла синяя отметка: окно № 3. Наш талон относился к окну № 5.

— Не наша, — сказал Антон.

— Вижу.

— Закрой и отнеси сотруднице.

— Сначала проверю, нет ли наших листов ниже.

— Вера.

— Я не читаю. Я ищу свой бланк.

Девушка в белом жакете снова закрыла телефон ладонью и шепнула:

— Лучше сразу вернуть. Я уже два раза перепутала. Здесь у всех одинаковые.

Я поблагодарила её и подняла сложенный лист. Под ним действительно оказался чистый бланк, но из сгиба выпала небольшая записка. Она легла на стол между нашими руками. Не прописывай его.

Три слова были написаны с нажимом, без обращения и подписи. Последняя буква в слове «его» ушла вниз, будто ручку дёрнули.

Девушка рядом перестала говорить в телефон.

— Это вам? — спросила она.

— Нет, — ответили мы с Антоном одновременно.

Она собрала бумаги и отошла к другому столику. Мать в телефоне всё ещё спрашивала про баяниста.

Антон придвинул папку ближе и посмотрел на номер в правом верхнем углу чужого заявления.

— Зафиксируем факт. Папка с отметкой третьего окна. Номер заявления другой. Записка лежала внутри сложенного листа.

— И предупреждение.

— Пока только текст. Мы не знаем, кому он адресован и кто его написал.

— Человек явно не хотел, чтобы мужчину прописывали.

— Или не хотел, чтобы так подумали. Сначала возвращаем папку.

Я достала телефон.

— Сфотографирую, как лежали бумаги.

— Без фамилий.

— Я понимаю.

— Я знаю. Поэтому и говорю прямо, а не начинаю выразительно смотреть.

После истории с его старым телефоном мы договорились не считать хорошие намерения разрешением. Я закрыла фамилию чистым бланком, сфотографировала номер, отметку окна и записку, затем вложила бумаги обратно.

У стойки мужчина пытался вручить сотруднице коробку конфет за удобную дату. Та объясняла, что дату выбрала система, а подарок принять нельзя. Мужчина спрятал коробку под куртку и стал выглядеть подозрительно. Я дождалась очереди.

— Нам дали чужую папку, — сказала я. — Внутри номер другого заявления и записка.

Сотрудница перестала следить за мужчиной с конфетами.

— Покажите.

Она проверила листы и позвала коллегу из третьего окна. Та вышла из кабинета следом за бабушкой, которая сообщала родным, что хорошая фамилия в семье одна и менять её никому не следует.

— Папка откуда?

— Со стойки, — ответила сотрудница. — Лежала в стопке для новых заявителей.

Женщина из третьего окна перелистала бумаги и задержалась на номере.

— Это старое заявление. Оно не должно быть здесь.

— Насколько старое? — спросила я.

Антон слегка коснулся моего локтя. Не остановил, а напомнил о нашем обещании.

— Мы возвращаем чужие документы, — сказал он. — Но хорошо бы убедиться, что папка не попадёт следующей паре.

— Не попадёт, — заверила сотрудница. Она убрала папку в нижний ящик и повернула ключ. — Спасибо, что вернули.

— А записка? — не удержалась я.

— Личная бумага. Разберёмся по номеру заявления.

Ответ был вежливым и окончательным. Нам выдали пустую папку. Антон проверил её сам и передал мне.

— Видишь? — спросил он. — Возвратили, сообщили, получили новую. На этом можно остановиться.

— Конечно.

— Ты сейчас согласилась слишком быстро.

— Я умею останавливаться.

Мужчина с конфетами кашлянул за нашей спиной. Коробка под курткой хрустнула, и он поспешно вышел в холл.

Мы вернулись к столику. Рядом невеста заполняла бланк, пока две родственницы спорили о её будущей фамилии. Жених нёс сумку и разумно молчал.

Наша папка была чистой. Антон сверил мои данные, я — его. Ошибок не оказалось, и это удивило меня сильнее, чем должно было.

— Здесь всё правильно.

— Не произноси это рядом с принтером.

Принтер у стойки сразу зажужжал и остановился. Я посмотрела на Антона, но он уже делал вид, что совпадение его не заинтересовало.

Нас вызвали к окну № 5. Ирина Сергеевна — имя я прочитала на табличке — сверила паспорта и быстро объяснила порядок подачи: за нами ждали ещё три пары, а младенец в очереди уже выражал своё мнение о работе учреждения.

Мы подписали заявление не сразу. Сначала я дважды перечитала строку с фамилиями после брака. Там пока стояли наши нынешние. Этот вопрос мы ещё собирались обсудить спо-

койно, без семейного хора и фотографий счастливых людей на стенах. Ирина Сергеевна заметила паузу.

— Можно оставить свои фамилии. Решение указывается здесь.

— Мы знаем, — сказал Антон. — Нам нужно ещё раз проговорить это вдвоём.

Она кивнула и не стала помогать советом. Мне это понравилось. В ЗАГСе оказалось редкостью оставить жениху и невесте право на собственный разговор.

— Сегодня заявление принимаем без окончательного выбора даты, — пояснила Ирина Сергеевна. — Посмотрите доступные варианты и подтвердите позже в установленный срок. Уведомление придёт каждому.

Антон уточнил порядок подтверждения. Я старалась не думать о нижнем ящике третьего окна. Не получалось. Три слова уже сидели в памяти: не прописывай его.

Фраза была грубой и разговорной. Не «не регистрируй по месту жительства», не «не давай согласия». Так предупреждают близкого человека, когда времени на точность уже нет.

— Вера? — позвал Антон.

Я подняла голову. Ирина Сергеевна ждала мою подпись.

— Да. Простите.

Мы подписали заявление. Сотрудница поставила отметку, вернула паспорта и вложила наш экземпляр в новую папку.

— Поздравлять пока рано, — сказала она. — Но заявление принято.

— Это уже больше, чем было утром, — сказал Антон.

В холле он забрал папку у меня и внимательно осмотрел.

— Что ты делаешь?

— Исключаю повторение.

— Мы не можем каждый раз проверять её на свет.

— Можем. Но есть способ проще.

У стойки лежали узкие ленты для памятных свитков. С разрешения сотрудницы я обвязала нашу папку зелёной лентой. Бант получился кривым. Антон молча поправил его, но я отобрала папку.

— Не надо. Это мой способ исключить повторение.

— Твой способ выглядит так, будто папка получила травму.

— Зато я узнаю её среди тысячи.

— Среди тысячи травмированных папок?

— Не придирайся. Сегодня у нас важный день.

Во дворе фотографировали молодожёнов. Жених старался обнять невесту и не наступить на подол, а фотограф в третий раз просил их смотреть друг на друга естественно. Естественность закончилась у всех. Антон встал рядом со мной.

— Хочешь уйти сразу или посидим пять минут?

Он не стал решать за меня, что после подачи заявления полагается радоваться, обниматься или звонить родным.

— Посидим, — ответила я. — Я хочу запомнить, что мы сделали это без спора.

— Мы поспорили о папке.

— Это не считается. Папка была чужая.

— Хорошо. Тогда без спора о нас.

Мы сели на скамью у окна. Дата и фамилии пока оставались открытыми, но меня впервые не пугало, что важные вопросы ещё не решены. Мы собирались обсуждать их вместе.

Олеся прислала сообщение: «Ну что? Государство согласилось вас поженить или попросило справку от Настасьи Петровны?» Я ответила, что заявление приняли. Следом пришёл вопрос, когда можно начинать командовать.

— Не отвечай, — попросил Антон.

— Почему?

— Любой твой ответ она примет за начало переговоров.

У дверей нас снова догнала женщина с белыми розами. Теперь букет оказался у мужчины, а она объясняла ему, что в торжественном зале следует улыбаться не регистратору, а невесте.

— Вы уже? — спросила она у нас, будто мы состояли в одной очереди много лет.

— Подали заявление.

— Вот и хорошо. Главное — жильё сразу решите. Любовь любовью, а регистрация регистрацией.

Антон посмотрел на меня. Я выдержала взгляд и ничего не спросила. Обещание не вмешиваться в чужие свадьбы ещё действовало.

На улице стало теплее. Мы прошли несколько шагов, и я остановилась у низкой ограды.

— Дай папку, — сказал Антон.

— Она у тебя.

— Я отдал её тебе у окна.

Я посмотрела на руки. В правой был телефон, в левой — ремень сумки. Зелёной папки не было.

— Значит, оставила на скамье.

На скамье лежала папка с зелёной лентой. Я выдохнула и прижала её к боку.

— Вот теперь можно уходить.

— Проверь сумку.

— Зачем?

— Прямой вопрос: ты уверена, что не положила туда документы со стола?

— Уверена.

— Тогда проверка займёт десять секунд и подтвердит твою уверенность.

Я открыла сумку. Сверху лежал кошелёк, под ним блокнот. Между блокнотом и футляром для очков виднелся кремовый угол.

Я медленно вытащила папку.

На ней не было зелёной ленты. В правом верхнем углу стояла синяя отметка третьего окна.

Антон молча сравнил обе папки и спросил:

— Ты клала её в сумку?

— Нет.

— Сотрудница могла вернуть её вместе с новой?

— Она закрыла старую в ящике. Ты видел.

— Видел. Но факт пока один: чужая папка оказалась в твоей сумке.

— И это тебя не удивляет?

— Удивляет. Просто удивление не помогает понять маршрут.

Он оглянулся на вход, на окна первого этажа и на мои руки, будто у папки могла сохраниться обычная дорога, которую мы пропустили.

— Вернём ещё раз, — сказала я.

— Сначала проверим, та ли это папка.

Я открыла её. Внутри лежал тот же сложенный лист. Записка оказалась на месте, только теперь выступала из сгиба на половину пальца. Я вытянула её за край.

— Мы обещали не читать чужое, — напомнил Антон.

— Лицевая сторона уже прочитана.

— Тогда смотрим только то, что изменилось.

На обороте не было ни слова, но под светом проступили продавленные цифры. Раньше их закрывал сложенный лист. Я наклонила записку к окну, и дата стала видна целиком.

Антон достал телефон и сверил календарь.

— Это не сегодняшняя дата.

— Я вижу.

— Тогда что?

Он ещё раз посмотрел на цифры, потом на папку с отметкой третьего окна.

— Похоже на дату регистрации. Рядом продавлено слово «отмена».

За стеклом сотрудница третьего окна закрывала нижний ящик. Я снова посмотрела на записку, которую уже вернула и не собиралась видеть больше никогда.

Обещание не вмешиваться продержалось до выхода. В сумке снова лежала чужая папка, и её пришлось возвращать ещё раз.

Глава 2. Дата для двоих

Мы вернулись в ЗАГС через минуту после того, как вышли. Женщина с белыми розами ещё объясняла жениху, куда смотреть во время фотографии, а мы уже снова стояли у стойки с чужой папкой.

Ирина Сергеевна увидела нас из-за стекла и вышла сама. Услышав, что та же папка оказалась в моей сумке, она сначала решила, что мы просто не заметили её среди своих бумаг. Потом открыла нижний ящик третьего окна. Внутри лежали запасные бланки и моток синей ленты. Папки не было.

Она проверила соседнее отделение и спросила, куда мы заходили после стойки. Только во двор. Сумку я не открывала, папку достала у ограды. На обороте записки мы увидели продавленную дату и слово «отмена».

На лице Ирины Сергеевны появилось выражение человека, которому придётся объяснять руководству вещь, не предусмотренную инструкцией.

Антон показал фотографию. Ирина Сергеевна попросила оставить папку ей, вложила её в большой конверт, заклеила клапан и расписалась поперёк. Сотрудница со стойки тоже поставила подпись и отнесла конверт в кабинет за стеклянной дверью.

— Теперь у папки два свидетеля и один запечатанный конверт, — сказал Антон. — Для обычной вещи этого хватит.

Ирина Сергеевна записала мой номер и попросила не распространять фотографию. Мы согласились. У дверей Антон проверил мою сумку: только мои вещи. Нашу папку с зелёной лентой он нёс сам.

— Теперь можно выбирать дату.

— После такого это звучит угрожающе.

Мы зашли в кафе через дорогу. Там было почти пусто. Мужчина у окна пытался есть пирожное пластиковой ложкой. Ложка гнулась, мужчина сердился, пирожное держалось лучше всех.

Антон положил нашу папку на стол, но официантка сразу попросила убрать её.

— Соус попадёт, потом будете разводиться из-за пятна.

— Мы ещё не поженились, — сказала я.

— Тогда тем более берегите документы.

Папку пришлось поставить на свободный стул. Уведомление из ЗАГСа пришло, пока нам несли чай. В личном кабинете открылись свободные даты. Антон показал первый подходящий четверг через месяц.

— Рабочий день, — сказала я. — Настасье Петровне придётся выезжать затемно.

— Мы ещё не решили, кого зовём.

Телефон дрогнул. Олеся сообщила, что уже нашла место, где делают хорошие бутоньерки. Следом пришло уточнение от Настасьи Петровны: бутоньерка не освобождает жениха от здравого смысла.

Антон заметил, что решать, приглашать ли их, уже не придётся. Я поправила: Олеся и Настасья Петровна считали себя частью события задолго до подачи заявления.

Следующий удобный слот приходился на пятницу после обеда. Я спросила Олесю, сможет ли она освободиться. Ответ появился сразу: «Я не давала согласия быть свободной во все ваши красивые даты. Но в эту смогу. Молчание родственников оплачивается отдельно».

Мы просмотрели ещё несколько вариантов. Один совпадал с днём первого приезда Антона в деревню N. Другой приходился на дату, когда мы назвали себя парой. Третий нравился мне из-за повторяющихся цифр. Чем дольше мы искали смысл, тем меньше оставалось удобных часов.

Официантка принесла пирог. Мужчина у окна наконец победил ложку, но пирожное уже закончилось.

— Давай выберем день, в который нам удобно прийти, — предложил Антон. — Без проверки судьбы.

— Ты говоришь так, будто судьба ведёт электронную запись.

— Если ведёт, у неё неудобный интерфейс.

Я снова открыла пятницу через пять недель. Четырнадцать двадцать позволяли спокойно приехать, не поднимать Настасью Петровну до рассвета и не заставлять Олесю отменять утренних клиенток.

— Берём? — спросила я.

Антон не нажал кнопку.

— Ты хочешь эту дату?

— Я хочу тебя. Дата мне подходит.

— Это красивый ответ, но он ничего не объясняет. Через пять недель тебе удобно?

Мы договорились спрашивать прямо и тут же спрятались за хорошими словами. Я проверила календарь: в редакции не намечалось больших мероприятий, в деревню можно было съездить заранее.

— Мне удобно. Я не хочу ждать полгода ради красивого месяца и не хочу спешить, чтобы доказать уверенность.

— Мне тоже подходит. Я закончу два отчёта и не стану переносить чужие встречи.

Мы подтвердили слот. На экране появилась обычная служебная надпись. Никакой музыки не прозвучало. В кафе звякнула чашка, официантка попросила мужчину не проверять розетку ножом, и запись о нашем будущем браке появилась между рабочими встречами.

Я ещё несколько секунд смотрела на дату. Теперь предстояло договориться с близкими и выбрать простой формат. Детали можно было менять, не меняя самого намерения.

Олеся получила дату и через минуту прислала фотографию листа. На нём уже стояли наши имена, а ниже — пометки о машине и причёске. Последняя строка гласила: «Не дать Вере расследовать собственную свадьбу».

Настасья Петровна позвонила сама.

— В пятницу, значит. Правильно. В субботу дороги заняты. Ночевать в городе где будете?

Антон понял вопрос без уточнения.

— У меня, у Веры или отдельно.

— Вот и решите заранее, — сказала Настасья Петровна. — А то люди женятся, потом в коридоре ключи делят.

Она отключилась. Антон придвинул ко мне сахарницу.

— У нас как раз был пункт про жильё.

Настасья Петровна добралась до вопроса, который мы откладывали. Антон напомнил: она всегда начинает с двери, а уже потом интересуется торжеством.

Разговор о дате закончился проще, чем я ожидала. Следующий оказался труднее уже с первого вопроса.

— Фамилия, — сказал Антон. — Ты хочешь оставить свою?

— Да.

Я ответила слишком быстро.

— Я тоже оставлю свою, — сказал он. — Точно всё хорошо?

Мне не хотелось менять документы, подпись и имя, под которым меня знали. При этом внутри жила нелепая мысль: разные фамилии придётся объяснять людям, привыкшим измерять семью совпадением в паспорте.

— Я думала, ты можешь воспринять это как отказ от общего.

— Я бы воспринял смену своей фамилии как неудобство. Почему для тебя это должно быть доказательством любви?

— Не должно.

— Тогда оставляем обе.

— Ты не против, что я не стану Ланской?

— Я собираюсь жениться на Вере, а не на окончании слова.

Официантка поставила на соседний стол табличку «Зарезервировано» и одобрительно посмотрела на Антона.

— С фамилиями справились, — сказала я. — Теперь жильё.

— Мы могли бы чаще жить у меня. Там проще с парковкой и ближе к моей работе.

Я поставила чашку осторожнее, чем требовалось.

— А моя квартира?

— Остаётся твоей.

— Но жить мы будем у тебя?

— Я предложил вариант.

Красивое «будем жить вместе» до этой минуты казалось понятным. Оказалось, каждый из нас мысленно поставил общий стол в своей комнате.

Антон первым отодвинул телефон.

— Начнём заново. Где ты хочешь жить после регистрации?

— В своей квартире. Это мой дом. Я думала, ты будешь чаще оставаться у меня.

— А я думал, ты чаще будешь у меня. Не каждый день, но большую часть недели.

— Почему?

— У меня отдельное рабочее место. Я не хотел занимать твой стол у окна.

Его ответ был разумным. Но мы оба старались не вторгаться и потому заранее отправили другого переселяться.

— Мы опять угадали вместо разговора.

— Да. Я не хочу переезжать к тебе с чемоданом на следующий день после регистрации.

— Я тоже не хочу съезжать из квартиры Сергея Николаевича.

— Тогда не назначаем основную квартиру. Проверим, как нам удобно, и обсудим позже.

Счёт принесли в коричневой папке, почти такой же, как свадебная.

— Чужие папки сегодня преследуют нас, — сказала я.

— Эта хотя бы требует только денег.

Мы вышли из кафе с решённой датой, сохранёнными фамилиями и двумя квартирами, ни одна из которых не стала общей по умолчанию.

До моего дома дошли пешком. За двадцать минут Олеся успела назначить себя ответственной за мой внешний вид, предложить Антону отказаться от галстука и сообщить, что Настасья Петровна выбрала пироги.

— Напиши, что мы не просили выбирать пироги.

— Тогда она выберет каравай.

— Пироги подходят.

У подъезда нас встретила соседка с третьего этажа. Она увидела зелёную ленту на папке и прижала ладонь к груди.

— Наконец-то! А я всё думала, когда вы перестанете ходить с таким серьёзным видом.

Она спросила дату, пообещала никому не говорить и тут же достала телефон. Пока мы поднимались, на четвёртом этаже уже знали, что свадьба будет в пятницу.

Тишка встретил нас в прихожей, обнюхал ботинки Антона и сел перед зелёной папкой.

— Даже не начинай, — сказала я коту. — Эта наша.

Тишка отвернулся. Он не одобрял вещи, которые нельзя уронить со стола.

Мы положили папку на комод и продолжили разговор на кухне. Здесь всё выглядело проще: моя чашка стояла у чайника, чашка Антона — рядом. Она появилась несколько месяцев назад и перестала считаться гостевой незаметно для нас обоих.

— Давай без фразы «потом разберёмся», — сказал Антон. — Решим, что меняется сразу после регистрации.

Я достала блокнот. Он усмехнулся, но спорить не стал. Без записи через неделю каждый из нас помнил бы удобную версию.

Первым пунктом стали квартиры. Мы решили не назначать главную. Несколько дней можно проводить у меня, несколько у Антона, а через два месяца обсудить, что получилось на деле. В деревне N ничего не менялось: мой маленький домик оставался моим местом, а Антон приезжал туда по приглашению, как и раньше.

— Последняя часть звучит официально, — сказал он.

— Зато ясно.

— Я не собирался получать право на домик через брак.

— Знаю. Но раньше я тоже не собиралась брать твой телефон без разрешения.

Он посмотрел на меня, и я не отвела глаза. После извинения ошибка не исчезла, но теперь мы могли называть её прямо.

— Запиши: брак не заменяет приглашение.

Потом дошли до ключей. У Антона был запасной от моей квартиры: я давала его на случай, если сама попрошу войти. Его ключ остался у меня после командировки. Я думала, он забыл, а Антон был уверен, что оставил его насовсем.

Мне нравилось, что ключ лежит в ящике, хотя входить без причины я не собиралась. Антон тоже считал мой ключ знаком доверия, а не разрешением появляться без предупреждения. Мы записали: ключи остаются у обоих; открывать дверь можно по прямой просьбе или при явной опасности. Обычной тревоги недостаточно.

Ключ не разрешал заглядывать в ящики, брать документы и читать бумаги на столе. Архив Сергея Николаевича оставался моим, материалы Антона об Алексее — его. Мешающую рабочую стопку можно было переставить целиком, но не открывать папки.

— У нашей семейной жизни будет много правил.

— Меньше, чем у пользования лифтом в доме без номера.

Мы засмеялись. Напряжение ещё чувствовалось, но уже не мешало говорить. Теперь слово «доверие» не прикрывало то, о чём мы постеснялись спросить.

Телефон завибрировал. Олеся создала чат «Пятница без паники» и добавила туда нас с Антоном и Настасью Петровну. Та первой написала: «Уберите меня отсюда». Олеся назначила её главным советом по пирогам. Через минуту появилась Мария Ивановна и спросила, почему её добавили позже.

Потом пришла таблица из трёх строк. Мне досталась обязанность прийти вовремя, Антону — не потерять кольца. Настасья Петровна должна была удержать Олесю от расширения таблицы.

Я написала: «Мы пока выбрали только дату».

Олеся ответила: «Именно поэтому я начала без вас».

Тишка вскочил на комод. Зелёная папка соскользнула к краю, и Антон успел её поймать.

— Наша, — сказал он, проверив ленту.

Я открыла сумку, чтобы убрать телефон. Кремовый край лежал между блокнотом и кошельком.

Мы молча смотрели на него. Потом Антон отложил нашу папку и вынул чужую. Синяя отметка третьего окна сохранилась. Конверта с подписями не было.

— Мы оставили её запечатанной, — сказала я.

— Да.

— Сумку проверяли оба.

Он не стал предлагать объяснение. Чужая папка оказалась у нас в третий раз. Её обычный маршрут закончился за закрытой дверью кабинета.

Я позвонила Ирине Сергеевне. Она ответила не сразу. На заднем плане звякали ключи.

— Вера Сергеевна? Я собиралась вам звонить. Конверт пропал из кабинета.

— Папка снова у меня.

Ирина Сергеевна помолчала и попросила оставить папку у нас до утра. Публиковать сведения и связываться с людьми, указанными в заявлении, она запретила. Осмотреть можно было лишь то, что видно без разворачивания чужих документов.

Антон положил папку на кухонный стол.

— Обложка, карманы и порядок листов. Остальное утром.

— Согласна.

Папка раскрылась прежде, чем он коснулся застёжки. Обложка медленно легла на стол, а сложенный лист с запиской оказался сверху.

Тишка спрыгнул на пол и ушёл в комнату. Он мог испугаться движения или запаха бумаги — доказательством это не было.

Антон прижал край папки пальцами.

— Она могла открыться из-за перекоса.

— Лежала ровно.

— Застёжку проверим потом.

Записка выглядывала из сгиба. Я не тронула её. Под прозрачным карманом на внутренней стороне обложки виднелась узкая полоска бумаги. Раньше её закрывали листы.

Антон наклонил лампу. На полоске сохранилась надпись: «Громова Елена…» Фамилия и имя читались полностью, отчество обрывалось под краем кармана.

— Елена Громова, — прочитала я.

Вдоль металлической скобы торчали обрывки вырванных листов. На обложке остались прямоугольные следы двух наклеек: одну сняли аккуратно, вторую — с верхним слоем картона.

— Здесь был пакет толще.

— Что обычно кладут в свадебную папку?

— Мы получили бланк и памятку. Остальное могли добавить сами.

— Записка была спрятана среди листов. Потом часть вынули.

— Это версия. Пока известно только, что их вырвали.

Рядом с именем Елены фраза «не прописывай его» перестала быть случайным предупреждением. У неё появился возможный адресат.

Телефон зазвонил снова. Ирина Сергеевна сообщила, что нашла запись по фамилии. Елена Громова должна была прийти на регистрацию сегодня утром, но не появилась.

— Может быть, передумала?

— Может. Только до назначенного времени пришёл мужчина с её паспортом и попытался передать письменный отказ, будто бы подписанный Еленой. Мы не приняли бумагу без неё, зафиксировали обращение и вызвали полицию. Мужчина ушёл до приезда наряда.

— Она ответила?

— Телефон выключен. По адресу её со вчерашнего вечера не видели.

Ирина Сергеевна попросила утром принести папку прямо ей и пока не сообщать имя посторонним. После разговора Антон закрыл обложку и перевязал чужую папку шнуром.

На столе лежали две папки. В нашей, с зелёной лентой, была выбрана дата. В чужой остались следы вырванных листов и имя женщины, которая не пришла в ЗАГС.

Мы убрали обе папки со стола. Утром предстояло узнать, где Елена и почему её паспорт оказался у постороннего мужчины.

Глава 3. Пропавшая невеста

Чужую папку мы принесли в ЗАГС к открытию. Антон нёс её в прозрачном пакете, перевязанном шнуром, а я проверила узел перед выходом и у машины. На третий раз он спросил, не собираюсь ли я завести отдельный журнал наблюдений за верёвкой.

— Если папка снова исчезнет, начну с первой страницы.

— Тогда запиши: в восемь сорок семь ведёт себя прилично.

У входа уже ждала пара с двумя матерями. У одной были паспорта, у второй — документы, а жениху доверили бутылку воды. Он выглядел человеком, которому объяснили правила безопасности и всё равно не вполне доверяли.

Ирина Сергеевна встретила нас у стойки. Проверила шнур, позвала начальницу отдела и попросила оставить пакет в кабинете до приезда сотрудника полиции. О пропаже документов и исчезновении Елены уже сообщили. Сама Ирина Сергеевна могла подтвердить только то, что происходило в ЗАГСе. Её полномочия заканчивались на процедуре регистрации.

— Камеры в холле работают? — спросил Антон.

— Да. Запрос уже оформляют, но показать запись вам не могу. После отказа я дважды звонила Елене. Сначала шли гудки, потом телефон отключился.

— Этот мужчина говорил, где она?

— Сначала ждала в машине. Когда я попросила пригласить её внутрь, оказалось, что Елена уже уехала на такси.

По просьбе начальницы мы описали, где и когда появлялась папка. Антон сверил время по фотографиям. Я подписала объяснение, не добавив ни одной версии. Из коридора донёсся мужской голос:

— Я уже объяснил. Она сама попросила передать отказ и забрать документы.

Мужчина вошёл без приглашения. На вид ему было немного больше тридцати. Светлая рубашка была застёгнута неправильно: одна пола оказалась ниже другой. Телефон он сжимал так крепко, что побелели пальцы.

Ирина Сергеевна тихо назвала его. Дмитрий Коршунов, жених Елены.

Он сразу заметил прозрачный пакет и спросил, мы ли нашли папку. Антон не ответил. Начальница отдела попросила Дмитрия ждать в холле, но тот заявил, что пришёл за документами Елены, которые у него якобы забрали вчера.

Ирина Сергеевна напомнила: отказ не приняли, документов Дмитрию не выдавали. Паспорт он принёс сам и унёс до приезда полиции. Папки при нём не было. Жених уверял, что Елена захотела побыть одна и выключила телефон.

— Она заболела, — сказал Дмитрий.

— Вчера вы говорили, что Елена уехала к подруге, — напомнила Ирина Сергеевна.

— Одно другому не мешает.

Начальница отдела спросила, когда он видел невесту в последний раз. Дмитрий назвал позавчерашний вечер, около десяти. Ирина Сергеевна открыла журнал.

— Вчера вы сказали, что отвезли её домой после полуночи. Сегодня утром назвали восемь вечера.

— Я не смотрел на часы. Вы меня допрашиваете? — спросил он.

— Елена не пришла на регистрацию.

Дмитрий потребовал у меня папку. Антон ответил, что мы передали её сотрудникам ЗАГСа. Жених назвал документы общими, но Антон заметил: на кармане стояло имя Елены, фамилии Коршунова мы не видели.

— Она была на вырванных листах.

У автомата электронной очереди стало тихо. Одна из матерей перестала объяснять жениху, куда убрать воду.

Я спросила, откуда Дмитрию известно о вырванных листах. Он сослался сначала на нас, потом на Ирину Сергеевну. Регистратор возразила: она сообщила лишь о найденной папке с фамилией Елены.

— Мама объяснила, как выглядят такие папки, — сказал Дмитрий. — Там ничего важного не было. Два бланка, памятка и дурацкая записка.

Он сразу понял ошибку. Я не дала ему времени придумать объяснение.

— Какая записка?

— Вы же её нашли.

Текста он будто бы не знал. Разговор о бумагах возмутил его сильнее, чем вопрос о невесте. Елена взяла паузу после ссоры из-за квартиры и скоро вернётся, повторил Дмитрий. Полиция тут лишняя.

Я спросила, зачем тогда он пришёл с её паспортом. Антон положил ладонь на край стойки между нами.

— Вера, хватит. Здесь разговор ведут сотрудники.

Он был прав: мы принесли папку и дали объяснение, а не получили право на допрос. Дмитрий усмехнулся:

— Жених у вас хотя бы понимает границы.

— Поэтому не носит мой паспорт без разрешения.

Начальница отдела снова попросила его выйти. На этот раз он подчинился, но в дверях сообщил: если Елена не позвонит до вечера, её съёмную комнату освободят. Хозяйка устала ждать оплату, а сама Елена всё равно собиралась переехать к нему.

Ирина Сергеевна не передавала нам адрес Елены и другие персональные сведения. Для наших объяснений они не требовались.

— Пока не просите, — сказала она.

Я промолчала. Иногда она понимала направление моей мысли раньше, чем я успевала придать ей законный вид.

В холле Дмитрий уже звонил хозяйке: велел собрать вещи Елены и пообещал приехать через полчаса. Возражения женщины долетали до стойки. Статус жениха не давал права выносить чужое имущество, и хозяйка собиралась это правило защищать.

Дмитрий отключил связь, заметил, что мы слушали, и предложил поехать вместе. По его словам, в комнате не осталось половины вещей, а значит, Елена ушла добровольно.

Антон попросил сначала получить согласие хозяйки. На громкой связи Дмитрий представил нас сотрудниками ЗАГСа. Мы сразу поправили его: папку нашли мы, удостоверений у нас нет. Галина Михайловна разрешила приехать: у квартиры уже ждал участковый. До его прихода она никого в комнату не впускала.

Адрес Дмитрий назвал неохотно. Антон решил, что мы поедем отдельно.

Перед выездом Ирина Сергеевна созвонилась с участковым. По его просьбе она вернула нам завязанный пакет: он хотел сопоставить папку с бумагами Елены. После осмотра мы должны были привезти её обратно.

Мы поехали следом за серой машиной. Дмитрий дважды перестроился без поворотника и остановился у аптеки, но внутрь не пошёл. Возможно, проверял, едем ли мы за ним. Антон записал время: лишний круг тоже становился частью маршрута.

Дом оказался старым, с двумя подъездами и мастерской на первом этаже. Галина Михайловна ждала у квартиры. Увидев Антона с блокнотом и прозрачным пакетом, она отступила в сторону.

— Наконец-то. Инспектор, проходите. Я ничего не трогала.

— Я не инспектор.

Антон назвал свою профессию полностью. Галина Михайловна выслушала слова о технической реконструкции страховых случаев и посмотрела на меня.

— Это сейчас так инспекторов называют?

— Нет. Он действительно не инспектор.

— Тогда зачем блокнот?

Я объяснила, что Антон даже дорогу к магазину способен восстановить по остановкам. Хозяйка признала такого мужчину полезным и велела Дмитрию надеть бахилы. Он дёрнул одну слишком резко и порвал. Галина Михайловна выдала вторую, но потребовала оплатить испорченную пару. Пока они спорили о восьми рублях, мы осмотрели прихожую, не сходя с коврика.

Елена снимала комнату в трёхкомнатной квартире. Две другие оставались закрытыми, а хозяйка приезжала проверять жильё раз в неделю. Накануне Дмитрий сообщил, что невеста переезжает. Галина Михайловна решила дождаться самой Елены. Утром дверь комнаты оказалась незапертой, а на кровати лежал зарядник.

Хозяйка сперва решила, что Елена вышла в магазин. Но из-за слабой батареи Елена даже мусор не выносила без зарядника. Галина Михайловна ничего не трогала и дождалась участкового.

Дмитрий направился к комнате, не спросив разрешения. Хозяйка сразу заметила движение.

— Я заберу одежду. Она всё равно ко мне переезжала.

Галина Михайловна перегородила дверь и не отступила, когда он подошёл ближе. Спорить на пороге она явно не боялась.

— Пока Лена сама не скажет, её вещи останутся здесь.

— Я плачу за эту комнату.

— За прошлый месяц платила Лена. А если деньги дала твоя мать, ключ от шкафа ей за это не положен.

Участковый первым подошёл к комнате. Галина Михайловна и мы остались у порога. На кровати стояла открытая рабочая сумка; в боковом кармане торчал пропуск в офис. Рядом лежало зарядное устройство с вынутой из розетки вилкой. Телефона не было. На столе осталась косметичка.

У двери стояли домашние тапки Елены, а светлых кроссовок не было. Добровольный уход оставался возможным. Но в сумке остался рабочий пропуск, без которого Елена не могла открыть офис. На настенном календаре время планёрки было подчёркнуто дважды.

Антон оговорился: забытый пропуск ещё не доказывал, что Елену удерживают. Дмитрий сразу подхватил: она взяла ключи и ушла подумать.

Галина Михайловна не спорила. Она лишь напомнила, что в понедельник Елене на работу. Хозяйка разрешила сфотографировать календарь с порога, но снимать его со стены не дала.

Паспорт обычно лежал в верхнем ящике стола. Теперь там остался пустой чехол.

— Лена носила его только по делу.

— Вчера было дело. Регистрация.

— Она не пришла.

— Передумала по дороге.

Галина Михайловна показала на зарядник возле рабочей сумки.

— И зарядник оставила, хотя без него даже до мусорного бака не доходила?

В прошлый раз хозяйка была здесь в среду вечером — приходила из-за капающего крана. Елена была дома, позже приехал Дмитрий, за ним его мать. Дмитрий уверял, что визит длился пять минут. Галина Михайловна поправила: Тамара Аркадьевна провела в комнате около сорока и привезла папку.

По словам Дмитрия, мать помогала оформить личные бумаги. Хозяйка сложила руки на груди.

— В моей квартире личными считаются бумаги, после которых человека не приходится искать.

На холодильнике висел лист, прижатый магнитом в виде лимона. Сверху Елена написала «Суббота». Ниже отметила химчистку и звонок хозяйке. Последняя строка выделялась сильным нажимом: «к Тамаре — подпись».

Антон спросил, речь ли о матери Дмитрия. Тот назвал встречу обычной и шагнул к холодильнику. Галина Михайловна хлопнула его по руке кухонным полотенцем.

— Не снимать. Полиция посмотрит.

Дмитрий назвал лист списком покупок. Хозяйка спросила, зачем тогда его прятать. Не ответив, он ушёл в коридор звонить. Имя «мама» прозвучало несколько раз.

Пакет с папкой оставался у меня. Шнур был завязан. Когда Антон попросил показать фотографию списка, папка внутри раскрылась сама. Обложка разошлась настолько, насколько позволяла петля, а из середины выдвинулась записка.

Антон принял пакет, проверил узел и поднёс его к свету. Сложенная бумага раскрылась на сгибе. Её край указывал на последнюю запись Елены: «К Тамаре — подпись».

Галина Михайловна подошла ближе и спросила, сама ли открылась папка. Антон допустил обычную причину: пакет мог наклониться. Важнее было то, что имя Тамары записала сама Елена.

С разрешения хозяйки и участкового Антон сфотографировал запись.

В рабочей сумке лежал ежедневник. Галина Михайловна не разрешила его открывать, но из кармана обложки выступала визитная карточка нотариальной конторы. В правом углу рукой Елены стояло: «Т. А. — в 16:30».

Хозяйка решила, что это встреча с Тамарой. Дмитрий возразил: Елена никуда не поехала, после ссоры ушла от него. Время снова назвал приблизительно — после десяти. Антон напомнил о полуночи, упомянутой в ЗАГСе. Для Дмитрия разница была несущественной. Для маршрута — слишком большой.

Он повернулся ко мне и спросил, обещала ли я найти Елену. Услышав отрицательный ответ, обвинил нас в желании сделать материал о пропавшей невесте, плохом женихе и страшной свекрови.

Я ничего не публиковала. Дмитрий добавил: пока.

Он попал в слабое место. Я уже собирала факты и едва не пообещала хозяйке, что мы разберёмся. Произнести такое на чужой кухне легко. Выполнить, когда человек действительно исчез, — гораздо труднее. Галина Михайловна посмотрела на меня.

— Вы ведь её найдёте? Вы же нашли папку.

Антон начал говорить о передаче сведений полиции, но хозяйка остановила его. Ответ ей нужен был от меня.

Мне хотелось сказать «да». Одно слово вернуло бы порядок хотя бы на эту кухню. Антон не перебил меня, только положил ладонь на прозрачный пакет.

— Я не могу обещать, что найду Елену. Могу обещать, что список, визитка и слова Дмитрия не останутся только между нами.

Галина Михайловна кивнула, поправляя магнит.

— Так честнее.

В прихожей позвонили. Пришли ещё двое сотрудников полиции. Участковый передал им комнату и наши фотографии, после чего нас попросили отойти в кухню. Дмитрия оставили в коридоре. Он звонил матери, но вызов каждый раз сбрасывался.

Один из сотрудников уточнил контакты Ирины Сергеевны и место хранения записей с камер. Антон назвал время появления Дмитрия в ЗАГСе. Дальше проверку вели полиция и сотрудники отдела регистрации.

Галина Михайловна проводила нас до двери. Она всё ещё считала, что лицо у Антона подходящее для инспектора. Не из-за строгости, а потому что он способен заметить: человек обещал приехать через полчаса, а появился через сорок две минуты.

— Это не лицо. Это привычка, — сказала я.

На лестнице Антон спросил, не обидело ли меня его вмешательство. Сначала обидело, потом стало легче. Я не обязана была единолично вернуть Елену.

— Я не хотел решать за тебя, когда тебе можно говорить, — сказал он. — Хотел, чтобы ты не взяла долг, который нельзя выполнить по желанию.

Я признала, что у него получилось. Антон заметил: дальше я всё равно полезу. Спорить было бессмысленно.

Мы задержались на площадке между этажами. Через окно была видна серая машина Дмитрия. Он сидел за рулём и разговаривал по телефону, не включая двигатель. Антон задал прямой вопрос: я продолжала дело потому, что папка возвращалась, или потому, что исчезла Елена?

Папка задела любопытство. Но в комнате остались рабочая сумка с пропуском и зарядник; Дмитрий менял время, его мать приезжала с бумагами перед исчезновением. Ответ был ясен.

— Из-за Елены. Папка только не даёт сделать вид, что всё объясняется страхом перед свадьбой.

— Тогда дальше работаем с фактами. И не обещаем то, чего не можем выполнить.

Мы договорились сообщать друг другу о каждом следующем шаге.

Из квартиры мы поехали в ЗАГС и вернули пакет Ирине Сергеевне. Она заперла его в шкафу.

Ближе к вечеру сотрудник полиции сообщил нам только итог, необходимый для наших объяснений. Камера подтвердила: Дмитрий вошёл в ЗАГС один, предъявил паспорт Елены и пытался передать отказ от её имени. Через четыре минуты к нему подошла женщина. Её лицо закрывала стойка с объявлениями, поэтому личность ещё проверяли.

По одежде женщина была похожа на Тамару Аркадьевну, но это оставалось предположением. Запись нам не показывали.

Во время официальной проверки обнаружили похожее обращение шестилетней давности. Мужчина с фамилией Коршунов сообщил, что невеста отказывается от регистрации, однако её личного заявления не поступило.

В назначенный день не пришли ни Дмитрий, ни Алина Савельева.

Глава 4. Старая авария

Утром в ЗАГСе нас встретили Ирина Сергеевна и сотрудник полиции. Старые записи оставались у него; нам сообщили лишь то, что требовалось сопоставить с папкой. Шесть лет назад Дмитрий Коршунов и Алина Савельева не явились на регистрацию.

— Вчера речь шла о попытке передать отказ от имени невесты, — сказала я.

— Здесь похожая запись, — ответил сотрудник. — Дмитрий сообщил об отказе Алины, но её заявление не поступило. В назначенный день не пришли оба.

Ирина Сергеевна показала вторую распечатку. На ней была короткая отметка: за три дня до регистрации мужчина звонил и сообщил, что невеста передумала. Сотрудник попросил Алину обратиться лично. Больше в карточке ничего не сохранилось.

— Мужчина представился Дмитрием? — спросил Антон.

— Да. Номер телефона уже не действует. По старым правилам разговор подробно не фиксировали. Записали только причину обращения.

— Паспорт Алины он приносил?

— В журнале этого нет. Я не стану додумывать за коллегу.

Ирина Сергеевна закрыла карточку. За соседним окном женщина объясняла: жених опоздал из-за матери, выбравшей другой автобус. На вопрос, где он сейчас, оглянулась и обнаружила его у автомата с талоном.

— Старые дела хорошо выглядят только в кино, — сказала Ирина Сергеевна. — Там каждый разговор записан, а бумаги ждут нужного человека в одной папке. В жизни через шесть лет остаётся строка и чужая память.

— А что случилось с Алиной? — спросила я.

Ирина Сергеевна посмотрела на дверь кабинета, затем вернулась к экрану.

— Через пять дней после несостоявшейся регистрации она погибла. Я помню, потому что новость тогда обсуждали все. Несчастный случай в доме под расселение. Газета писала, что она упала с лестницы.

На просьбу Антона назвать адрес Ирина Сергеевна отказала. В карточке его не было, а искать по служебным данным для нас она не могла. Назвала только общедоступный источник: районную газету за первую неделю июня шесть лет назад.

— Там была фотография?

— Кажется, да. Не в заметке о смерти. Раньше. Они писали о свадебном сезоне.

Ирина Сергеевна передала распечатки начальнице отдела и попросила нас не фотографировать экран. Мы записали даты от руки. Чужую папку она оставила в закрытом шкафу. За ночь папка не исчезла и не открылась. Это было почти хорошей новостью.

У выхода нас догнала женщина с белыми розами, которую мы видели в день подачи заявления. Теперь вместо букета у неё была папка с тремя прозрачными файлами.

— Молодые люди, вы дату выбрали? — спросила она.

— Выбрали.

— Тогда не затягивайте с ведущим. Хороших разбирают раньше женихов.

Она ушла к окну. Антон закрыл блокнот.

— У нас есть ведущий?

— Есть Олеся. Но если назвать её ведущей, она составит программу до вечера.

Телефон завибрировал в моей сумке. Олеся прислала сообщение: «Вы сегодня расследуете старую невесту или выбираете салфетки? Мне нужно понимать степень вашей занятости».

Я ответила, что едем в газетный архив. Через минуту она потребовала фамилию.

— Не отправляй.

— Почему?

— У нас пока нет согласия родственников.

— Я спрошу, знает ли она Алину Савельеву. Без фотографии и подробностей.

— Это уже имя погибшей.

Он был прав, и это раздражало только первые две секунды. Я написала Олесе: «Слышала фамилию Савельева в связи со старой историей в N?» Ответ пришёл сразу: «Какую именно? У нас Савельевых на две скамейки и один трактор».

В редакции архив занимал комнату рядом с бухгалтерией. Раньше там хранили бумажные подшивки. После оцифровки половину стеллажей убрали, но старые выпуски не выбросили: сканы иногда обрезали края, а поисковая программа принимала фамилию за название магазина.

Архивистка включила компьютер и спросила год. Услышав тему, она попросила не опираться на поиск по слову «свадьба».

— Почему?

— Он выдаёт рекламу платьев, отчёты о золотых юбилеях и одну жалобу на голубей возле ЗАГСа. Голуби там победили.

Начали с даты гибели Алины. Заметка нашлась в разделе происшествий: несчастный случай в старом доме. По официальной версии, Алина пришла забрать вещи знакомой, вышла на неосвещённую лестницу и сорвалась с пролёта. Её обнаружили поздно вечером.

Фамилия знакомой в заметке не называлась. Адрес сократили до названия улицы. Дом уже готовили к расселению, часть комнат пустовала.

— Она жила там? — спросила я.

— В тексте этого нет, — напомнил Антон.

Автор заметки ссылался на родственников: после несостоявшейся свадьбы Алина была расстроена и хотела побыть одна. Но срыв регистрации не объяснял, почему погас свет и как Алина оказалась в чужой комнате.

Я выписала имя автора. Он давно не работал в редакции. Архивистка нашла его служебную карточку и развела руками: телефон не сохранился.

— Здесь есть ссылка на предыдущий материал, — сказал Антон.

Ссылка внизу вела к выпуску недельной давности. На второй полосе была статья о свадебном сезоне: новые даты, советы по документам, фотографии трёх пар у ЗАГСа и снимок из свадебного салона.

Алина стояла у зеркала в светлом платье. Фату ей только примеряли, поэтому она была в обычных туфлях и прижимала кремовую папку к груди. На обложке виднелась такая же серебристая надпись, как на папке Елены.

Рядом с Алиной стояла женщина. Лицо попало в кадр сбоку, зато рука лежала на плече невесты. Подпись называла её консультантом семьи, но имени не было.

— Увеличь область у фаты, — сказал Антон.

Я приблизила снимок. Возле виска Алины блеснул маленький предмет — будто дефект скана. Но и в исходном файле, который открыла архивистка, блеск остался. Фату удерживала булавка: тёмная головка в форме птицы и короткое серебристое крыло.

— Похожа на сороку, — сказала архивистка.

— На журавля, — возразила я.

— У журавля ноги длиннее.

— На булавке ноги не обязательны.

Антон попросил оставить птицу без вида и рода. Булавка отличалась от одинаковых шпилек, удерживавших фату: её вставили отдельно.

Когда я отвела курсор, снимок сам вернулся к увеличенному фрагменту. Я решила, что задела колесо мыши. Уменьшила фотографию, открыла текст, но через несколько секунд на экране снова оказалось лицо Алины и тёмная головка булавки.

Архивистка сняла руку с мыши.

— Я ничего не нажимала.

Антон проверил клавиатуру: клавиша увеличения не застряла. Заново открытая фотография осталась целой.

— Сбой просмотра.

— Удобный сбой, — заметила я.

— Он показал предмет. Дальше предмет проверяют люди.

Я записала форму булавки и название салона из подписи. Это был городской салон, который работал до сих пор. Телефон нашёлся на старой рекламе в том же выпуске.

Архивистка достала бумажную подшивку. На печатной фотографии булавка была заметнее, чем на экране. Под углом тёмная головка напоминала птицу с поднятым крылом. Возле пальцев Алины на папке виднелась круглая вмятина, будто раньше там крепилась наклейка.

На соседнем снимке Дмитрий стоял у входа в ЗАГС. Он смотрел не на Алину, а на женщину за её плечом. Подпись называла его женихом и сообщала, что пара выбрала общую фамилию. Через несколько дней в заметке о гибели Алины эта подробность превратилась в доказательство серьёзности отношений.

— Сначала они подали заявление. Затем заказали платье и поговорили с газетой. После звонка Дмитрия Алина не пришла в ЗАГС, а через пять дней погибла.

— Пока это последовательность, — ответил Антон. — Связь нужно доказать.

Две невесты, одинаковая папка, отказ, о котором сообщал Дмитрий. Газетная версия семейной драмы закрывала старую историю одной удобной фразой.

Телефон снова завибрировал. Олеся прислала: «Савельева Алина, племянница Людмилы Савельевой? Жила в N до двадцати трёх, потом снимала комнату в городе. Если она, позвони мне».

Я показала сообщение Антону.

— Официальный архив ещё не нашёл родственников, — сказала я.

— Олеся нашла за один вопрос без подробностей.

— Это деревня N.

— Это Олеся.

Мы вышли в коридор и позвонили ей. Олеся ответила шёпотом, потому что у неё сидела клиентка с краской на волосах. Клиентка немедленно попросила включить громкую связь, но Олеся отказала и закрылась в кладовой.

— Людмила Савельева живёт на верхней улице, через три дома от старого магазина, — сообщила она. — Алина была дочерью её младшей сестры. После смерти родителей тётя помогала ей. Что случилось?

Я рассказала только о двух обращениях Дмитрия от имени невест и о старой газетной заметке. О папке Елены и её исчезновении умолчать не получилось: без этого вопрос звучал бы как праздное любопытство.

Олеся перестала шутить.

— Людмила после похорон почти ни с кем не говорила о Дмитрии. Один раз сказала, что газета написала неправду. Я тогда не стала спрашивать.

— Ты можешь дать ей мой номер?

— Могу спросить, хочет ли она его взять. Это разные вещи.

Олеся нашла тётю Алины и заодно напомнила мне правило, которое мы обсуждали в последние дни.

Пока она звонила, мы вернулись к архиву. В электронном каталоге нашёлся ещё один материал, опубликованный через месяц после смерти Алины. Это было письмо читательницы о том, что родственники погибшей не хотят «раздувать трагедию». Автор просил прекратить слухи вокруг семьи Коршуновых и уважать боль жениха.

Имя подписавшей письмо скрыли по просьбе редакции. Стиль казался слишком уверенным для человека, который просто просил оставить семью в покое. В письме подчёркивалось, что Дмитрий не имел отношения к пустующей комнате и в день гибели Алины находился дома с матерью.

— Защита от обвинения, которого в газете не было.

— Значит, слухи существовали вне газеты.

В конце письма была фраза: «Алина сама отказалась от регистрации и забрала личные документы». Я перечитала её дважды. Личного заявления Алины не было. Дмитрий сообщил об отказе один, а в назначенный день не пришли оба.

Антон сфотографировал страницу и спросил, сохранилось ли само письмо с конвертом. В подшивке была только вырезка.

Олеся позвонила через двадцать минут.

— Людмила согласна поговорить, но сначала хочет услышать от Веры одно обещание.

— Какое?

— Ничего не публиковать без её согласия. Не только имя. Вообще ничего из разговора.

Я вышла к окну. По двору редакции курьер тащил коробку с бумагой, а водитель объяснял ему, что вход с другой стороны. Обычный рабочий день продолжался, хотя у нас появилась история женщины, чью смерть шесть лет объясняли сорванной свадьбой.

— Я могу пообещать не публиковать её слова и материалы без отдельного согласия, — сказала я. — Но если она сообщит о прямой опасности для Елены, я передам сведения полиции.

Олеся повторила ответ Людмиле. В трубке стало тихо. Потом послышался женский голос, слишком далёкий для разговора. Через минуту Олеся вернулась.

— Она согласна на это условие. Ещё спрашивает, зачем тебе старая фотография.

— На ней папка и булавка.

После новой паузы Олеся попросила описать булавку. Я сказала про тёмную птицу с серебристым крылом. В кладовой что-то упало. Олеся выругалась шёпотом и сразу извинилась перед банкой с шампунем.

— Людмила знает её. Говорит, булавка была не Алины.

— Чья?

— По телефону не скажет. Просит приехать в N.

Антон жестом показал на часы. До деревни можно было добраться только к вечеру, а у нас оставались материалы в городе. Я спросила, сможет ли Людмила поговорить завтра. Олеся ответила, что тётя будет дома после обеда и не хочет видеть Дмитрия или его мать.

— Она знает о пропаже Елены?

— Теперь знает только то, что ты сказала мне. Я не пересказывала лишнего.

— Спасибо.

— Благодарность принимаю в форме отсутствия свадебных заданий до завтра.

Из кладовой её позвала клиентка. Олеся быстро добавила, что фамилию Савельева узнала не по слухам, а потому что когда-то стригла Людмилу перед заседанием по расселению городской коммунальной квартиры. Людмила жила в N, но у неё оставалась комната в доме, который готовили к расселению. Алина помогала тёте собирать бумаги.

— В каком старом доме?

— Не помню адрес. Людмила говорила, что там лестницу давно надо было закрыть. Спроси у неё самой.

Эта деталь связывала Алину с пустующей комнатой, но не объясняла ночной визит. Газета писала о вещах знакомой, Олеся помнила спор по расселению. Речь могла идти об одной комнате, однако между версиями оставался пробел.

Мы вернулись к бумажной подшивке. Я попросила копию страницы со свадебной фотографией. Архивистка положила выпуск на сканер. Когда крышка опустилась, из сгиба выпал маленький рекламный вкладыш. На нём свадебный салон предлагал бесплатную примерку фаты при предъявлении папки ЗАГСа.

Внизу стояла та же эмблема птицы, что на булавке Алины.

— Значит, булавка могла принадлежать салону, — сказал Антон.

— Людмила сказала, что она не Алины.

— Одно другому не мешает.

Я позвонила в салон. Администратор сначала решила, что я хочу вернуть фату шестилетней давности, и сообщила: срок возврата прошёл даже по самым добрым правилам. Пришлось объяснить про архивную фотографию и погибшую клиентку.

После имени Алины администратор перестала перебивать. Попросила прислать снимок и дать ей время: журналы проката хранились в коробках на складе. Прежняя хозяйка не доверяла программе и записывала всё от руки.

— А булавка с птицей? — спросила я.

— Были такие. Ими помечали салонные фаты, чтобы их не перепутали с личными. Но отдельно клиентам не выдавали.

— На фотографии она закреплена на фате Алины.

— Тогда фата наша. Или булавку переставили.

Я отправила фрагмент газетного снимка, без заметки о смерти.

Я закрыла блокнот. На последней странице стояла выбранная нами дата. Под ней появилась запись об Алине. Вырывать страницу я не стала.

Телефон зазвонил, когда мы вышли из архива. Администратор салона говорила быстро и просила приехать до закрытия. На складе нашли коробку за нужный год, а в ней — журнал проката. Напротив фамилии Алины Савельевой стояли номер платья, залог и отдельная пометка прежней хозяйки: «Вернула фату без булавки. Папку оставила в примерочной».

Глава 5. Платье с чужой булавкой

К полудню свадебный салон успел позвонить мне трижды. Администратор просила приехать скорее, запрещала фотографировать старый журнал и уточняла, не работаю ли я на телевидении.

Я ответила, что камеры с собой не будет. Хозяйка салона, по словам администратора, уже жалела о приглашении.

— Значит, нас ждут, — сказал Антон.

Салон занимал первый этаж бывшего ателье. В витрине стоял манекен в платье, под которым можно было спрятать небольшую семью. У входа девушка снимала другую девушку в фате: та должна была войти, повернуться и сказать, что нашла платье мечты. На четвёртом дубле фата зацепилась за ручку, и мечта потянула невесту обратно на улицу.

Мы подождали, пока её освободят. Девушка с телефоном посмотрела на меня, на Антона и оживилась.

— Вы на примерку? Отлично. Нам нужна настоящая пара.

— Мы по журналу.

— Журнал тоже снимем. Жених садится у окна, невеста идёт к зеркалу.

Антон успел произнести только слово «нет», а меня уже подвели к стойке и спросили размер. Из глубины салона вышла Нина Романовна, нынешняя хозяйка. Она была невысокой, быстрой и держала старую тетрадь обеими руками.

— Уберите телефон, — потребовала она. — И никого сегодня не снимайте возле склада.

— Вы Вера Сергеевна? — спросила Нина Романовна.

— Да.

Она посмотрела на Антона.

— А это?

— Антон Ланской.

— Жених?

— Да.

— Тогда почему вы не на примерку?

Я объяснила, что мы пришли из-за Алины Савельевой и Елены Громовой. Улыбка хозяйки исчезла. Она прижала журнал к себе и повела нас в маленький кабинет за стойкой. Девушке с телефоном велела снимать пуговицы, пока не придумает что-нибудь безопаснее людей.

В кабинете помещались стол, два стула и коробка с искусственными цветами. Антон остался стоять у двери. Нина Романовна положила журнал перед собой, но открывать не спешила.

— Я позвонила, потому что обещала. Теперь хочу понять, что вы собираетесь с этим делать.

— Сначала проверить записи.

— Потом будет статья про салон, где погибают невесты?

— Алина погибла не в салоне.

— Читатель заголовок увидит, а не место происшествия.

Она купила дело вместе с помещением четыре года назад. Прежняя хозяйка уехала к дочери, оставив коробки с записями. Нина Романовна сохранила их из осторожности. Найдя нужный журнал, проверила и новые записи.

— Елена Громова тоже была у нас, — сказала она. — Две недели назад.

Елену обслуживала администратор, звонившая мне утром. Нина Романовна видела её из кабинета и запомнила сопровождающую.

— Тамара Аркадьевна?

— Она представилась будущей свекровью. Говорила за двоих и всё время поправляла, что платье должно быть скромнее.

— Елена спорила?

— Сначала нет. Потом попросила оставить её одну в примерочной. Тамара Аркадьевна сказала, что в семье секретов не будет.

Нина Романовна открыла современный журнал визитов. Напротив фамилии Елены стояли дата, номер телефона и пометка администратора: «Папка у сопровождающей. Обсуждали комнату». Больше ничего.

— Какую комнату? — спросил Антон.

— Я не знаю. Девочки записывают то, что может повлиять на доставку или оплату. Они говорили громко. Тамара Аркадьевна повторяла, что после регистрации вопрос с коммунальной комнатой закроется.

— После регистрации брака?

— Она говорила просто «после регистрации». Я решила, речь о свадьбе.

Антон записал точную фразу. Нина Романовна нахмурилась.

— Вы собираете слова так, будто они вещественные доказательства.

— Пока это только слова, — ответил он. — Поэтому важно не сделать их точнее задним числом.

Такой ответ понравился ей больше моих вопросов. Она повернула журнал к нам, закрыв ладонью телефон Елены. Разрешила переписать дату и пометку, но не фотографировать.

Старый журнал выглядел хуже. Обложка разошлась по сгибу, страницы пахли пылью и духами. Напротив фамилии Алины Савельевой стоял номер платья — сто восемнадцать. Ниже прежняя хозяйка отметила возврат фаты без фирменной булавки и папку, оставленную в примерочной.

В графе «сопровождающий» было написано: «Тамара Коршунова». Рядом сохранился адрес доставки: Рабочая, 28. Ниже была указана комната 6.

Я перечитала запись. В газетной заметке о гибели Алины называлась улица Рабочая, но без номера дома.

— Платье сохранилось? — спросила я.

Нина Романовна закрыла журнал.

— Вот этого вопроса я и боялась.

Платье номер сто восемнадцать не продали. Его несколько раз переделывали, потом сняли с проката из-за повреждённой подкладки. Сейчас оно висело на складе среди вещей, которые собирались отдать театральной студии.

— Мы можем посмотреть? — спросила я.

— Склад закрыт для посетителей.

— Я посетительница и невеста.

— Пять минут назад вы пришли по старому делу.

— Одно другому не мешает.

Антон повернулся к окну, пряча улыбку. Нина Романовна тоже это заметила.

— Обычные невесты спрашивают, что им подойдёт. Вы спросили номер платья женщины, погибшей шесть лет назад.

— У каждой свои требования.

— У вас особенно свадебные.

Хозяйка согласилась вынести платье сама, если мы подождём в зале и не будем подходить к коробкам. В этот момент девушка с телефоном просунула голову в кабинет.

— Нина Романовна, у нас модель уехала. Можно снять настоящую невесту со спины?

— Нельзя.

— Только проход к зеркалу.

— Снимай жениха.

Антон сообщил, что тоже не согласен. Девушка вздохнула так, будто мы сорвали рекламную кампанию года, и ушла.

Пока хозяйка была на складе, администратор предложила мне посмотреть платья для себя. Отказ она приняла за застенчивость и принесла три варианта. Первый оказался слишком пышным, второй держался на доверии к двум крючкам, а третий выглядел просто и сидел удобно.

— Примерьте, — сказала она. — Всё равно ждёте.

— Ты хочешь увидеть платье до регистрации? — спросила я Антона.

— Прямой ответ: мне всё равно, когда. Но ты ведь пришла не выбирать.

— Это займёт пять минут.

— Тогда примеряй.

В примерочной молния застряла на середине, рукав вывернулся, а шторка открывалась, стоило мне поднять руки. Администратор помогала снаружи и одновременно объясняла по телефону, что оттенок «молочный туман» не бывает белоснежным.

Когда я наконец вышла, в зале уже установили свет для ролика. Девушка с телефоном попросила пройти к зеркалу. Я сделала два шага, прежде чем поняла, что на меня направлена камера.

— Стоп. Я не давала согласия.

— Лица не будет. Только платье и руки.

— Руки тоже мои.

Антон подошёл и встал между мной и телефоном. Он не повысил голос, но девушка сразу убрала камеру. Потом показала экран: запись ещё не началась.

— Я правда думала, вам сказали.

— Теперь сказали, — ответил он. — Снимать нельзя.

Администратор увела девушку к витрине, а я попыталась вернуться в примерочную. В этот момент Нина Романовна появилась со старым платьем в чехле.

— Только не двигайтесь, — сказала она.

— Почему?

— Вы наступили на свой подол.

Я прижала каблуком подол и не могла шагнуть. Антон освободил ткань без улыбки и полезных замечаний. За это я была благодарна сильнее, чем за помощь.

— Можешь смеяться.

— Ты просила держаться фактов.

— И каковы факты?

— Платье тебе подходит. Реклама — нет.

Нина Романовна повесила старое платье на стойку возле зеркала. Оно было проще газетного снимка: без пояса и декоративных цветов. Подкладка у правого бока провисала. Хозяйка разрешила осмотреть ткань, но попросила ничего не распарывать.

Я переоделась и вернулась к стойке. С разрешения хозяйки Антон сфотографировал старый наряд. На выцветшей бирке сохранился номер сто восемнадцать.

— Здесь переделывали шов, — сказал он.

У правого бока строчка шла неровно, нитки местами были светлее, подкладка лежала плотнее. Платье много раз подгоняли, объяснила Нина Романовна. Записей о каждом ремонте не сохранилось.

Я провела ладонью вдоль шва. Внутри что-то царапнуло ткань. Рукав моей куртки дёрнуло назад.

— Не двигайся, — сказал Антон.

К манжете прицепилась тёмная булавка. Серебристое крыло почти полностью скрывалось под подкладкой, наружу выступал только загнутый кончик.

Нина Романовна побледнела.

— Это фирменная. Та самая модель.

Нина Романовна принесла пинцет и чистый пакет. Антон отступил, не трогая булавку. Хозяйка позвала администратора в свидетели и осторожно освободила металл от ниток. На пакете с находкой отметили время.

Тёмная головка действительно напоминала птицу. На одном крыле была царапина, заметная и на архивной фотографии.

— Почему её не нашли раньше?

— Она ушла под подкладку, — сказала Нина Романовна. — При обычной примерке здесь не трогают.

Булавка могла случайно зацепиться за шов, когда снимали платье. Само по себе это ничего не объясняло.

Зато под подкладкой сохранился другой след. Там, где сидела булавка, ткань была разрезана и снова зашита вручную. После снятия металла края разошлись на несколько миллиметров. Внутри виднелся прямоугольник более светлой ткани.

Антон посветил телефоном, не касаясь шва.

— Между слоями лежала бумага.

— Откуда ты знаешь? — спросила Нина Романовна.

— По форме. Край уплотнён, а ткань выцвела вокруг него. Бумагу вынули, потом шов закрыли.

Хозяйка разрешила распустить только две уже ослабленные петли. Администратор работала маленькими ножницами. Из-под подкладки выпала крошка старого клея и узкая полоска бумаги шириной с ноготь. На ней не осталось букв, только синяя линия.

Самого послания не было.

Булавка указала место тайника. Что было в вынутой бумаге, она не показала.

Нина Романовна опустилась на стул.

— Получается, у нас в платьях прятали записки.

— В одном платье есть след бумаги, — поправил Антон. — Пока только это.

— Для репутации достаточно и одного.

Хозяйка потребовала убрать платье и больше ничего не показывать. Я не спорила: любой пересказ мог превратить салон в место тайных документов и пропавших невест.

— Мы не будем публиковать название салона и фотографии без вашего согласия, — сказала я. — Но запись о визите Елены и находку нужно передать полиции.

— А если они заберут журнал?

— Это решают не мы.

— У меня там клиенты за десять лет.

Антон предложил закрыть остальные страницы и сообщить о двух записях. Что журнал оставят в салоне, он не обещал. После недолгого спора Нина Романовна сама позвонила по номеру, который нам дала полиция.

Пока мы ждали ответа, администратор вспомнила подробность визита Елены. Тамара Аркадьевна просила отправить платье не по домашнему адресу невесты, а в коммунальную комнату. Елена возразила, что комната принадлежит другой женщине и туда ничего везти не надо.

— Она назвала адрес? — спросила я.

Администратор открыла рабочую программу. Полный адрес доставки был удалён, но сохранился в истории изменения заказа: Рабочая, двадцать восемь, комната шесть. Через семь минут адрес заменили на самовывоз.

— Кто менял? — спросил Антон.

— Я. Елена подошла одна и попросила убрать доставку. Тамара Аркадьевна в это время говорила по телефону у выхода.

— Елена объяснила причину?

— Сказала, что не даст использовать комнату ради регистрации. Я решила, они спорят о проживании после свадьбы.

Здесь выбирали платья. Слово «регистрация» легко принять за часть свадебной суеты, даже если речь шла о месте жительства.

В старом журнале напротив Алины был тот же адрес. Нина Романовна нашла дополнительную карточку заказа, вложенную между страницами. Алина просила доставить платье на Рабочую, двадцать восемь, потому что там жила её тётя, приезжавшая из деревни N решать вопрос расселения.

Тамара Коршунова дописала рядом: «После брака — Д. К.». Инициалы были сделаны другой ручкой.

— Дмитрий Коршунов, — сказала я.

— Возможно, — ответил Антон. — Инициалы нужно подтвердить.

Нина Романовна забрала карточку из моих рук. Фотографировать разрешила только после того, как закрыла имя другого клиента на обороте.

Архивистка редакции нашла во внутреннем задании корреспонденту полный адрес: Рабочая, 28, комната 6. Алину обнаружили там, у лестницы между вторым и третьим этажами.

— Совпало? — спросил Антон.

Я показала адрес Антону. Он сверил его с журналом и историей заказа Елены.

— Совпало.

Нина Романовна закрыла лицо ладонями, затем выпрямилась.

— Я не знала. Прежняя хозяйка тоже могла не знать.

— Записи не доказывают участия салона, — сказал Антон. — Они подтверждают, что обе женщины приходили сюда с Тамарой и обе были связаны с одной комнатой.

Нина Романовна перестала защищаться.

Старая папка Алины долго лежала в шкафчике примерочной. Прежняя хозяйка звонила Тамаре Коршуновой: её номер стоял первым. Та забрала папку на следующий день и сказала, что Алина уехала.

— После смерти? — спросила я.

Нина Романовна проверила дату. Папку забрали за два дня до гибели Алины.

— Значит, она ещё была жива.

— Да. И невеста не обязательно сама оставила папку, — напомнил Антон.

Администратор открыла запись Елены. Тамара несла кремовую папку, но заказ оформили на имя невесты.

— Платье здесь? — спросила я.

Нина Романовна и администратор одновременно посмотрели на дверь склада.

— Здесь, — ответила хозяйка. — Но сейчас мы туда не пойдём. Сначала полиция.

Я не стала просить второй раз.

У стойки снова включили свет для рекламы. Девушка предложила снять Антона у витрины «в образе жениха, готового ко всему».

— Это будет недостоверно, — ответил он. — К съёмке я не готов.

Нина Романовна впервые за час улыбнулась и велела снимать платья.

Перед уходом я проверила, не тянется ли за мной чужая фата. Антон подал мне сумку. Он ни разу не пошутил о рекламе, застрявшей молнии и булавке на рукаве.

— Можешь считать это заботой, — сказал он на улице. — Но я просто не нашёл в твоей примерке ничего смешнее девушки, которая устроила съёмку, не включив запись.

Я рассмеялась. Это не касалось Алины или Елены. Просто салон так старался показать счастливую свадьбу, что забыл включить камеру.

На капоте мы разложили записи. Два журнала, один салон, одна сопровождающая. Обе истории вели к комнате шесть на Рабочей, двадцать восемь.

Антон закрыл блокнот.

— Теперь у нас есть адрес, который повторился дважды. Но ехать туда сегодня нельзя.

— Почему?

— Дом под расселение. Мы не знаем, кому выданы ключи и безопасна ли лестница. Адрес передан полиции.

Я уже открыла карту, но убрала телефон.

— Хорошо. Сначала деревня N и Людмила.

— Это не уступка мне?

— Нет. Это общий план.

Олеся прислала сообщение: «Людмила ждёт завтра после двух. И просит не приезжать толпой». Следом пришло второе: «Для свадьбы от вас тоже жду предел численности».

Я написала, что приедем вдвоём и свадебные поручения не привезём. Олеся ответила карточкой с крупной надписью: «Обещание принято условно».

Перед тем как сесть в машину, я оглянулась на салон. Девушка поправляла платье на манекене. Старый наряд номер сто восемнадцать унесли со стойки, булавку убрали в подписанный пакет.

Она не показала, кто вынул послание и что в нём было. Зато привела нас к месту, которое шесть лет связывало две сорванные свадьбы.

Теперь адрес гибели Алины появился в заказе пропавшей Елены.

Глава 6. Лимит Олеси

К деревне N мы подъехали после полудня. Ещё у автобусной остановки нам позвонила Мария Ивановна и сообщила, что торт нельзя заказывать, пока она не увидит список гостей. Списка у нас не было, но бабушка решила, что это моя обычная задержка.

— Я ничего не задерживаю. Мы ещё не решили, нужен ли торт.

— Тогда решите до вечера. Люди не могут жить без определённости.

Антон слушал разговор через громкую связь.

— Люди могут, — сказал он. — Кондитерская, возможно, нет.

Мария Ивановна велела передать жениху, что семейная жизнь начинается с уважения к срокам, и спросила, где будут жить городские родственники. Я пообещала обсудить это с Антоном. Бабушка вздохнула, словно я отказалась от брака ради сомнительного приключения.

Следом пришло сообщение от Олеси: «Заезжайте ко мне. В доме введён режим ограниченной свадебной помощи».

У её крыльца висел лист: «Свадебные вопросы — только по карточкам». Ниже ручкой дописали: «А срочные?» Олеся ответила красным фломастером: «Особенно срочные».

Она встретила нас с коробкой плотных карточек. Волосы были собраны карандашом, на щеке осталась полоска пудры. Из салонной комнаты доносился фен.

— Разувайтесь и выбирайте по одной. Вторую получите после первой. Обмен разрешён. Свалить на меня всё сразу нельзя.

Антон вытянул карточку: «Проверить, нужен ли транспорт из города». Мне досталось: «Не обещать гостям ничего до общего решения».

— Это не поручение, — сказала я.

— Для тебя самое важное.

На кухонном столе стояла другая коробка.

— Эти по делу, — объяснила Олеся. — Свадьба не смешивается с пропавшей женщиной. Иначе к вечеру мы начнём искать Елену через меню банкета.

Я взяла карточку с фамилией Людмилы Савельевой. На обороте было записано время встречи и условие: ничего не публиковать без согласия.

— Людмила пока не может поговорить, — сказала Олеся. — Сегодня у неё поднялось давление. Я обещала не тащить вас к ней ради темпа расследования.

— Правильно.

Олеся посмотрела на меня, ожидая торга. Я не стала просить хотя бы пять минут.

— Уже один человек принял отказ без спора.

Из салонной комнаты вышла женщина с полотенцем на плечах. Волосы были покрыты краской, на лбу блестел крем.

— Вы и есть невеста? А я думала, Олеся выдумала вас, чтобы отказаться от клиентов в пятницу.

— Валентина Андреевна, вам ещё двенадцать минут.

— Я могу совместить.

— Нельзя. У вас краска и слабость к чужим делам.

Женщина всё же успела предложить племянницу с микрофоном. Я ответила, что пение мы не планировали. Валентина Андреевна обрадовалась: сюрприз получится лучше.

Олеся закрыла дверь салонной комнаты и повернулась к нам.

— Вот поэтому появились карточки. Вчера мне назначили музыку и украшение зала. Утром Мария Ивановна спросила, где будет жить тётя из другого города. В половине десятого твоя соседка прислала фотографию скатертей.

— Я не давала ей твой номер.

— Она нашла его по записи на стрижку. Свадьба превращает людей в следователей без ограничений.

Я извинилась. Олеся покачала головой.

— Извиняться надо не за родственников. Скажи прямо: ты ждёшь, что я буду всё координировать?

Я рассчитывала, что Олеся подскажет салон, поговорит с Настасьей Петровной и остановит Марию Ивановну до заказа торта на сорок человек. Это уже была работа, о которой мы не договаривались.

— Я ждала помощи, но не спросила, сколько ты готова взять.

— Я помогу выбрать одежду и могу отвезти Настасью Петровну. Ещё один раз поговорю с Марией Ивановной, если разговор закончится решением. Координатором не буду.

— Хорошо.

— Психологом пары тоже. И диспетчером гостей. После девяти вечера трубку не возьму, даже если салфетки окажутся разных оттенков.

Антон положил карточку на стол.

— Условия понятны.

Олеся посмотрела на меня.

— Тебе тоже?

Меня кольнула обида. Хотелось напомнить, сколько раз я помогала Олесе. Но стоило предъявить это в ответ на отказ — и помощь стала бы счётом.

— Да. Я не стану просить тебя передумать.

— Вот теперь можно пить чай.

Олеся достала термос. На холодильнике висели карточки поручений. Две уже поменяли хозяев: Мария Ивановна отдала задачу про ночующих соседке, а та взяла взамен звонок в кондитерскую.

— Как они успели?

— Я отправила фотографию в чат.

— У нас есть свадебный чат без нас?

— Уже два. В первом родственники. Во втором люди, которые считают себя почти родственниками.

Телефон звякнул. Валентина Андреевна прислала из соседней комнаты: «Могу взять транспорт, если мне отдадут музыку».

— Карточки стали валютой, — сказала Олеся. — Скоро за поездку к ЗАГСу будут давать две корзины пирогов.

Антон предложил оставить у нас все задачи, требующие личных данных. Олеся вынула карточку «Собрать сведения для списка гостей».

— Вот эту уже пытались взять трое. Мария Ивановна хотела фамилии, телефоны и адреса. Ещё одна женщина попросила копии паспортов тех, кто будет жить в гостинице.

— Для бронирования копии не нужны, — сказал Антон.

— Я тоже удивилась. Она сослалась на Тамару Аркадьевну. Та будто бы всегда собирает документы заранее, чтобы потом не бегать.

— Кто просил? — спросила я.

— Знакомая Людмилы. Её дочь выходила замуж три года назад. Тамара помогала с нотариусом и пропиской жениха. Женщина решила, что это обычная свадебная практика.

Олеся показала переписку. В сообщении стояло: «Соберите копии паспортов молодых и выписки по жилью. Тамара Аркадьевна скажет, какие страницы нужны».

Антон переписал точную фразу с разрешения Олеси. Пересылать сообщение без согласия отправительницы она отказалась.

— Она понимает, зачем Тамаре выписки? — спросил он.

— Думает, что для регистрации.

— Какой именно?

— Для свадьбы. Или для прописки. Она смешивает это в одно.

Я вспомнила записку из папки. «Не прописывай его». Теперь она звучала как ответ на разговоры, привычные для окружения Коршуновых.

Олеся позвонила женщине при нас, предупредив, кто её слышит и что записи не будет. Та разрешила задавать вопросы: ничего важного в своём сообщении не видела.

Три года назад Тамара просила копии паспортов, свидетельство на квартиру и справку о зарегистрированных жильцах. Объясняла, что после брака нужно сразу оформить мужа, иначе семья остаётся на словах. Дочь отказалась отдавать выписку, и помощь закончилась.

— Вы обращались в нотариальную контору?

— Один раз. Тамара там работала. Она всё разложила по папкам и сказала, что брак лучше начинать без долгов.

Женщина помнила доверенность на получение справок и бумагу о том, что супруг не претендует на долю. Документы не подписали: жених рассердился, свадьбу перенесли, а потом пара зарегистрировалась без помощи Тамары.

— Копии остались у неё? — спросила я.

— Кажется, да. Я не забрала. А что случилось?

Я ответила, что Елена пропала перед регистрацией и в её комнате нашли запись о встрече с Тамарой. Женщина попросила не называть её имени. Олеся пообещала сохранить разговор в узком кругу и отдельно спросить согласие, если сведения понадобятся полиции.

Антон записал: Тамара интересовалась паспортами и жильём. Помощник нотариуса мог готовить законные документы; само по себе это ничего не доказывало. Но, смешивая разные действия, легко скрыть от человека, что он подписывает.

Олеся написала новую карточку: «Уточнить у свидетелей, какие копии просила Тамара».

— Эту никому без нашего согласия.

— Значит, бери сама.

Рядом с условием Людмилы легла вторая задача. Олеся не обязана была разделить её со мной.

Олеся достала чистую карточку и положила между мной и Антоном.

— Теперь ваша общая. Напишите имя человека, которому родственники задают вопросы. Одного, не троих.

— Почему одного? — спросила я.

— Потому что вчера Мария Ивановна спросила про торт у меня, у Настасьи Петровны и у твоей соседки. Получила три ответа и выбрала четвёртый.

Мы переглянулись. Антон предложил отвечать самому на вопросы о времени и дороге, а мне оставить приглашения. Олеся зачеркнула пустую строку.

— Это уже двое.

— Мы не можем назначить одного из нас главным по собственной свадьбе, — сказала я.

— Можете назначить один номер для входящих вопросов. Ответ составите вместе.

Мы записали мой номер: вопросы только до восьми вечера. Антон отправил карточку в оба чата. Мария Ивановна тут же спросила, касается ли это бабушки. Олеся взяла мой телефон и ответила: «На бабушку действует до половины девятого». Я не стала поправлять — последняя уступка родственникам на сегодня.

В дверь постучала соседка с корзиной яиц. Она пришла обменять карточку про ночующих на карточку про транспорт, потому что у неё семиместная машина, зато дома нельзя разместить даже одного гостя: муж уже занял свободную комнату рассадой. Олеся провела обмен, выдала расписку на обороте и получила шесть яиц как «разницу в сложности».

— Я же говорила: валюта.

— Скоро появится курс, — заметил Антон.

— Уже появился. Поездка в город стоит дороже пирогов, но дешевле разговора с Марией Ивановной.

Дверь салонной комнаты задрожала. Валентина Андреевна потребовала выпустить её, потому что двенадцать минут прошли. Олеся открыла замок. Клиентка вышла с таймером в руке и сообщила, что слышала только отдельные слова, однако «паспорт» и «нотариус» звучат тревожно.

— Недостаточно, — сказала Олеся. — Ваша задача — смыть краску.

— А свадебная карточка?

— После укладки.

Через десять минут пришла Настасья Петровна. Она принесла пирожки и не стала читать лист на двери.

— Мне карточка не нужна. Я знаю, зачем пришла.

Олеся протянула коробку.

— У нас порядок.

Настасья Петровна надела очки, перебрала карточки и взяла: «Проверить, у кого могли быть ключи от комнаты на Рабочей».

— Где папка? — спросила она.

Папку мы не привезли. Ирина Сергеевна передала её полиции вместе с булавкой и копиями журнальных страниц. Настасья Петровна одобрила решение.

— Вещь должна лежать там, где её можно сохранить и описать. Носить её по домам ради ответа не надо.

Я рассказала о том, как папка открывалась в городе. Здесь даже фотография на телефоне больше не увеличивалась сама.

— Похоже, здесь след слабый, — сказала Настасья Петровна. — Папка привязана к ЗАГСу, салону и месту, где с ней обращались. Деревня для неё чужая.

— Но Алина связана с N.

— Человек связан. Вещь — не обязательно.

Антон спросил, может ли расстояние полностью остановить проявление.

— Не знаю. Пока все проявления остались в городе. Ищите границу по месту, а не по чувствам Веры.

Перед собственной свадьбой я слишком остро реагировала на свадебные вещи и могла принять случайность за знак.

Настасья Петровна разделила страницу в блокноте. В первой части написала «Елена». Во второй — «Улики». Третью назвала «Вера и Антон».

— Это зачем отдельно?

— Чтобы вы не решали свою свадьбу через чужую беду. Поиск Елены требует полиции и свидетелей. Улики надо сохранять. А где вам жить и кому давать ключи, решаете без Тамары, Дмитрия и пропавшей папки.

Антон придвинул блокнот.

— Добавим, что мы не делаем без общего решения.

— У вас для этого своя тетрадь. Здесь места мало.

Олеся поставила перед Настасьей Петровной карточку «Удержать родственников от расширения свадьбы».

— Вот это вам подойдёт.

— Я старше и потому умею не отвечать на звонки.

В этот момент Мария Ивановна позвонила ей. Настасья Петровна посмотрела на экран и убрала телефон в карман. Олеся торжественно отдала ей карточку.

— Задание выполнено.

За чаем Настасья Петровна рассказала о комнате. После смерти матери Людмила много лет сохраняла её за собой. Дом расселяли частями: одни комнаты опечатывали, владельцы других спорили о компенсации. Алина помогала тёте и могла законно входить внутрь.

Тамара приезжала в N по вопросам документов. Её видели у Людмилы до смерти Алины. После похорон она больше не появлялась на верхней улице.

— У неё мог быть ключ? — спросил Антон.

— Людмила скажет сама. За неё отвечать не буду.

Настасья Петровна записала вопрос на карточке. Одну задачу по делу она выбрала и на этом остановилась.

Около четырёх мой телефон снова зазвонил. Дмитрий звонил уже шестой раз за день. Я не отвечала, потому что полиция просила направлять его к ним. Теперь пришло сообщение: «Верните семейную папку. Она вам не принадлежит».

Антон прочитал текст с моего разрешения.

— Он называет её семейной, хотя в папке стоит имя Елены.

Олеся спросила, откуда Дмитрий знает, что мы в N. Ответить я не успела. За окном резко затормозила машина.

Серый автомобиль остановился у калитки. Дмитрий вышел, не заглушив двигатель, и пошёл к дому.

Олеся закрыла салонную дверь и попросила Валентину Андреевну не выходить.

— Вот теперь карточки закончились.

Настасья Петровна встала у окна. Антон предложил не открывать калитку. Я набрала номер сотрудника полиции, который занимался исчезновением Елены. Дмитрий дёрнул калитку. Засов выдержал.

— Вера! Я знаю, что папка у вас. Отдайте её и прекратите пугать людей.

Я вышла на крыльцо, но осталась за закрытой калиткой. Антон встал рядом, не заслоняя меня.

— Папка передана полиции.

— Вы врёте. Мать сказала, вы увезли её сюда.

— Откуда ваша мать это знает?

Дмитрий осёкся, потом заявил, что видел нашу машину на дороге. Его автомобиль приехал с другой стороны, и Антон сразу это заметил.

— Вы приехали с другой стороны, — сказал он. — Кто сообщил адрес?

— Какая разница? Верните документы.

— Какие именно? — спросила я.

— Наши с Леной.

— Назовите их.

Он подошёл к калитке.

— Там заявление, копии паспортов и бумаги по комнате. Они не имеют отношения к её исчезновению.

— По комнате на Рабочей, двадцать восемь?

Дмитрий сжал перекладину.

— Вы уже туда полезли.

— Мы нашли адрес в журнале салона.

Он назвал журнал старым мусором и потребовал не трогать имущество его семьи. Я напомнила, что комната принадлежала Людмиле Савельевой. Дмитрий ответил слишком быстро:

— Уже нет.

Настасья Петровна вышла на крыльцо.

— С чего это?

Дмитрий узнал её, и злость стала осторожнее.

— Там был договор. Алина должна была отказаться от доли после брака.

— Алина не вышла за тебя, — сказала Настасья Петровна.

Он поправился: документы готовили, но не подписали. Значит, комната оставалась у Людмилы. Дмитрий снова потребовал папку и заявил, что Елена скоро вернётся.

— Где она?

— У подруги.

— Назовите подругу.

— Елена запретила говорить.

После попытки передать отказ с чужим паспортом это мало походило на уважение к Елене.

Я сообщила, что его ждут для повторного объяснения в полиции. Дмитрий ударил ладонью по калитке. Засов звякнул, но не сдвинулся. Антон сделал шаг вперёд.

— Не трогайте калитку.

— Вы вообще здесь никто.

— Поэтому я не забираю чужие паспорта и не требую чужую папку.

Дмитрий посмотрел на него, потом на меня.

— Вы пожалеете, что связали нашу семью с Алиной. Там была авария. Мать пыталась всем помочь, а её делают виноватой из-за двух нервных женщин.

— Елена жива? — спросила я.

— Конечно.

— Тогда пусть сама это скажет.

Он отвернулся и пошёл к машине. У калитки лежала карточка, которую ветер вынес из прихожей. Дмитрий поднял поручение Настасьи Петровны: «Проверить, у кого были ключи от комнаты шесть».

Он смял карточку и бросил в траву.

— Ключ был у Алины. Больше ни у кого.

— Откуда вы знаете? — спросил Антон.

Дмитрий сел в машину и захлопнул дверь. Ответа не последовало. Серый автомобиль развернулся у соседнего забора и уехал к трассе.

Олеся подняла карточку и разгладила её на ладони.

— Поручение выполнено наполовину. Один человек слишком уверенно назвал единственного владельца ключа.

Настасья Петровна убрала карточку в карман.

— У Людмилы и спросим, кому она давала дубликат.

Дмитрий приехал не за новостями о невесте. Ему нужна была папка с бумагами по комнате, которую он уже назвал собственностью семьи.

На крыльце Олеся перевернула табличку свадебной стороной к стене. До вечера её дом больше не принимал поручений.

Глава 7. Жених под подозрением

Через двадцать минут после отъезда Дмитрия мы перешли во двор Настасьи Петровны. Олеся закрыла салон, перевернула табличку «До завтра» и забрала коробку с карточками поручений. Одну карточку ветер гнал вдоль дороги. На ней было написано: «Уточнить, кто видел вторую машину». Олеся её не писала. На обороте Валентина Андреевна оставила пояснение: серый автомобиль Дмитрия стоял у салона, а за поворотом она заметила тёмную машину. Водителя не разглядела: краска стекала ей на бровь.

— Сидела под полотенцем и увидела больше нас.

— Смотреть в окно разрешено. Выходить с краской запрещено.

Настасья Петровна пропустила нас во двор и сразу закрыла засов. Один кот пил из миски у крыльца, второй ждал рядом, а третий лежал посреди дорожки и не считал людей уважительной причиной для переезда.

Настасья Петровна повела нас в летнюю кухню — обсуждать чужие паспорта. Поставила чайник и велела Антону записать слова Дмитрия, пока они не стали удобнее.

Мы восстановили разговор у дома Олеси. Дмитрий требовал вернуть семейную папку, упомянул бумаги по комнате и уверенно заявил, что ключ был только у Алины. О количестве ключей его не спрашивали.

Антон отметил, что эти сведения могли прийти от матери. Олеся обратила внимание на другое: когда звучало имя Тамары Аркадьевны, Дмитрий смотрел на телефон, а при вопросах о собственных действиях шёл к калитке и повышал голос.

— Мать для него страшнее полиции, — сказала она.

— Боится — ещё не значит выполняет всё.

— Но чужой паспорт принёс.

Настасья Петровна поставила пирожки и спросила, чего мы хотим от Дмитрия. Разозлиться на него успели. Теперь нужно было восстановить его путь в день исчезновения Елены: три времени последней встречи, две версии ухода — при знании записки, вырванных листов и комнаты на Рабочей.

Настасья Петровна выдала каждому по одному вопросу. Мне — про разрешение Елены на паспорт. Антону — про маршрут. Олесе — про реакцию на мать. Остальное предлагалось записывать и не бросать в Дмитрия одновременно.

— Иначе он будет отбиваться от нас, а не отвечать, — пояснила она.

Олеся спросила, почему ей досталась самая невежливая часть. Настасья Петровна напомнила: именно она слышит ответ до того, как человек составит приличную фразу. Олеся убрала карточку в карман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.